

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ

ВСЕ ИЗ-ЗА ТЕБЯ

«Светлая и добрая
история о том,
что чудо может быть
совсем рядом».

Анна
[@books_holy_anna](#)

Ася Лавринович
Все из-за тебя
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68842446
ISBN 978-5-04-181570-7

Аннотация

Маша Раева никогда не любила приезжать на дачу. Особенно после той дурацкой истории, когда невыносимый и дерзкий сосед Йован Гарбич развел ее на поцелуй.

Прошло два года, и Маша уже забыла о нем. Этим летом она помогает бабушке на участке, а по вечерам купается в озере и ходит на свидания с Леней, очаровательным, умным и таинственным писателем.

И все бы ничего, но тут внезапно объявляется Йован. Он сильно изменился и возмужал, но, похоже, остался все таким же придурком.

На этот раз Маша не позволит ему превратить свою жизнь в кошмар. Только вот почему она не может выкинуть этого парня из головы?

«Светлая и добрая история о том, что чудо может быть совсем рядом». – Анна @books_holy_anna

Содержание

Плей-лист	7
Пролог	8
Глава первая	23
Глава вторая	39
Глава третья	55
Глава четвертая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ася Лавринович

Все из-за тебя

Художественное оформление Александра Андреева
Иллюстрация на переплете Елены Баренбаум

© Ася Лавринович, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*А в любви никто никому ничего не должен.
Главный и неоспоримый закон любви – ее
добровольность: я стою здесь, под твоими окнами,
не потому, что ты мне приказала, а потому, что
не могу иначе.*

Наталья Долинина

Плей-лист

Клуб любителей музыки – Дура
Phil Collins – Another Day In Paradise
Phil Collins – In the Air Tonight
Stolen Loops – Проснись, это любовь
Crystalline – The Midnight
Zivert – Три дня любви
Thought Beings – Hazy
Антон Токарев – Седьмой лепесток
Fun. Feat. Janelle Monáe – We Are Young
Gruppa Skryptonite – Скучаю
DMX–I Can Feel It
Свидание – Весна предала
Свидание – Красива
Ромреуа – 90

Пролог

Двумя годами ранее

Местом для поцелуев выбрали старый сарай. Когда-то дедушка хранил в нем инструменты: грабли, лопаты, проржавевшие старые лейки. С тех пор как его не стало, бабушка почти не заглядывала сюда. Участок возле дома каждое лето прорастал травой, над ней кружили шмели и бабочки. Бабуля лишь протаптывала дорожку к калитке, по которой ходила в магазин или на почту. И хотя мой папа купил газонокосилку, сад оставался неухоженным. У отца не было времени, у бабушки – сил. А может, не только сил, но и желания. Без дедушки она словно потухла. Ей стал безразличен дом и некогда красивый сад с фруктовыми деревьями, кустами смородины и малины.

Бабушкин дом, огороженный деревянным забором, сиротливо стоял в конце улицы. Уже несколько лет дачный поселок активно застраивался. Старые покосившиеся избышки сносили, на их месте появлялись новые крепкие дома. Некоторые из них были похожи на настоящие замки с высоченными воротами.

Среди крутых коттеджей бабушкин дом казался чужерод-

ным. Несколько раз ей предлагали выкупить и дом, и землю, ведь дачный поселок теперь считался элитным, но бабушка всякий раз отказывала. Они с дедушкой прожили здесь полвека, и бабушка ни в какую не хотела прощаться с домом, в котором прошли их счастливые совместные годы.

Рядом с бабушкиным домом находилась дача Гарбичей. Сколько себя помню, они отдыхали здесь каждое лето. Их величественный по сравнению с бабушкиным домом особняк стоял на границе дремучего леса. Здесь всегда была умиротворяющая тишина и отдыхалось куда лучше, чем в начале поселка, где день и ночь гремели поезда. Да, наша улица была лакомым кусочком: тихо, до грибов-ягод рукой подать – райский уголок, спрятанный за соснами.

Не знаю, чем занимался глава семейства Гарбичей, очень привлекательный, высокий, загорелый и седовласый мужчина, но ездил он на крутых автомобилях. Казалось, Гарбич меняет тачки каждое лето. Наверное, в городе у него было много работы, потому как он появлялся в поселке редко и ближе к ночи. А вот его жена, холеная белокурая тетечка, летом сутками торчала на даче. Каждое утро она ходила на пляж и читала там книги в мягких ярких обложках.

С соседями бабушки я не знакомилась и даже здоровалась с ними через раз. В детстве, когда приезжала на дачу чаще, видела их единственного сынка – белобрысого мальчишку, который казался младше меня на целую вечность, поэтому никогда не вызывал особого интереса. Изредка замечала, как

он пялится на меня, но сама его и взглядом не удостоивала. Не хватало мне тогда в приятелях иметь всяких сопляков. К тому же его белокурая маман явно была настроена ко мне враждебно. Так и представляла себе, как она во время завтрака твердит своему сыночку: «Не гуляй с этой девочкой, она научит тебя плохому». А впечатление в детстве я производила именно такое: лет до тринадцати, не по своей прихоти, коротко стриглась, лазила по деревьям и таскала у отца сигареты (последнее уже по собственному желанию). Сосед же был примерным мальчиком-зайчиком: щеголял в светлых футболочках и голубеньких джинсиках, а кеды его своей белизной могли ослепить. Меня такие ребята никогда не привлекали.

Но один раз мы все-таки заговорили. В то лето мне уже исполнилось семнадцать, и как-то мы с соседским парнишкой пересеклись на пляже. Я млела от жары и отсутствующим взглядом пялилась на блестящую рябь воды. Стоило хотя бы старую потрепанную книжку прихватить. У бабушки в сенях лежали горы макулатуры, которую в дом свозили мои родители, – растапливать печь.

Несмотря на жаркую погоду, народу на пляже было немного. Две соседки-старушки да молодая мамочка с карапузом, который копался в мокром песке. Чуть позже появился мой сосед. Сбросил с себя футболку, оставшись в спортивных шортах, расстелил полотенце и уселся с раскрытой книгой. Я, приставив руку козырьком ко лбу и щурясь от сол-

нечных лучей, с интересом разглядывала соседа. Мы словно поменялись местами: парень демонстративно не обращал на меня внимания, уткнувшись в книгу. Я усмехнулась. Сидит, важничает, книгу с собой взял. К экзаменам, может, готовится? Я прикинула, сколько ему сейчас лет... Бабушка как-то говорила, что он младше на два года. Мне сейчас семнадцать, а ему пятнадцать. Совсем неинтересно! Я отвернулась от соседа и посмотрела на карапуза. Тот уже тянул испачканные в песке руки в рот. Мама его зависала в телефоне.

Как я ни старалась отвлечься, сосед притягивал взгляд: русоволосый, светлоглазый, отлично сложен и выглядит старше своего возраста. Если б я не видела его ребенком, то, возможно, даже запала бы... Я часто западала на красивых ребят. Особенно мне нравилось влюбляться безответно. Когда проявляли ответную симпатию, я быстро теряла интерес. Но этот малолетка точно не вариант. И что он прирос к своему учебнику? Настоящий книжный червь. Наверняка у них на даче есть куча развлечений и помимо книг. Инет, приставка, телик, в конце концов, – вон какая огромная спутниковая тарелка на крыше. У бабушки ничего из вышеперечисленного нет, поэтому я дачу никогда особо не любила. Родители отправляли меня сюда в качестве наказания. Трафик на телефоне я тратила в первые несколько дней, а потом выть от тоски хотелось...

Я не могла отвести заинтересованного взгляда от этого парня. Надо же, от скуки совсем заняться нечем – разглядыв-

ваю малолетку. Я отвернулась и подставила лицо солнцу. А когда снова, словно между делом, посмотрела на парня, наткнулась на его взгляд. Это было так неожиданно, что я даже немного смутилась. Теперь он нагло разглядывал меня, даже не думая отводить взгляда. Я тоже смотрела на него в упор, до тех пор пока сосед нагло не похлопал ладонью по полотенцу рядом с собой. Я внутренне возмутилась: что он о себе возомнил? Но скука победила здравый смысл. За две недели, что я торчала в дачном поселке, мне ни разу не довелось пообщаться с кем-то, кому меньше шестидесяти, – только бабушкины подруги к нам и заглядывали...

Я поднялась с песка и молча подсела к парню. Взглянула на обложку книги, которую он держал в руках. История. Сосед перехватил мой взгляд.

– К экзаменам готовишься? – спросила я, чтобы хоть что-то спросить и нарушить возникшую между нами неловкость.

– Ага!

– ЕГЭ?

– ОГЭ.

Память меня не подвела. Увы, он совсем маленький.

– Неинтересно.

– Зачем ты на меня все время пялилась? – спросил парень. Так просто, без обиняков, даже не стараясь быть тактичным.

Я снова почувствовала себя глупо. Еще и подсела к нему по первому зову. Кажется, этот высокомерный малолетка мной манипулирует.

– Мне скучно, – наконец нашлась я с ответом. И сказала чистую правду. Я, не собираясь отводить взгляд первой, смотрела в синие и холодные глаза собеседника. Наверное, такие были у Кая, когда в него попал ледяной осколок.

– А я похож на клоуна? – спросил парень.

Мне хотелось сказать, что он похож на Кая, но я ответила в тон:

– Вылитый.

Тогда сосед улыбнулся уголками губ и снова уткнулся в учебник. Сделал вид, что увлеченно читает, а я почувствовала себя еще глупее – если это вообще возможно, потому что мне вдруг показалось, что нелепость ситуации достигла таких размеров, что Вселенная по сравнению с ней просто маленькая песчинка.

Этот индюк читал с таким невозмутимым видом, будто меня здесь нет и не он пару минут назад пригласил присесть рядом с ним.

– Как тебя зовут? – спросила я.

Он ответил не сразу, наверняка испытывая мое терпение. Словно этот чертов учебник по истории – самое интересное чтиво на свете.

– Йован, – наконец бросил парень, не поворачивая головы.

– Как? – переспросила я, заодно припомнив его чудную и необычную фамилию – Гарбич.

– Йован, – немного сердито повторил сосед.

Я рассмеялась.

– Что смешного?

– Странное имя.

– Ну а тебя как зовут?

– Маша.

– Иванова?

– Почему сразу Иванова? – удивилась я. – Раева.

– Все равно скучнее не придумаешь.

Мне стало обидно.

– Ну ты и дурак.

– Сама дура.

Я резко поднялась с песка. Кому и что я собралась доказывать? Он не Кай из «Снежной королевы», а просто малолетний идиот.

– Куда ты? – лениво спросил сосед, не отрывая глаз от учебника.

Я застыла на месте. С одной стороны, не хотелось больше находиться рядом с этим грубияном, с другой – не стоит сбегать с пляжа словно истеричка. Все-таки я старше его. Но почему воспринимаю происходящее так остро? Немного поразмыслив, я уселась рядом с Йованом и даже будто невзначай толкнула его нагретое солнцем плечо. Парень явно растерялся. Наши взгляды снова встретились, и в его глазах впервые мелькнул неподдельный интерес.

В конце концов, я первая пришла сегодня на пляж и почему должна уходить из-за какого-то Гарбича? Хотя, спра-

ведливости ради, Йован меня и не выгонял, а всего-навсего вел себя как высокомерный кретин.

– Кажется, ты живешь на соседнем участке, – прикинулась я дуручкой.

– Тебе не кажется, – усмехнулся Йован.

– Думала, что ты старше, – решила я подколоть его по поводу возраста. Мне показалось, что это может его задеть.

– А я раньше думал, что ты пацан, – не остался в долгу Йован.

В детстве я ненавидела свою короткую стрижку. Жутко обидно, что мама постоянно стригла меня под мальчика, хотя и интересы у меня были отнюдь не девичьи, потому что я кучу времени проводила с папой. Раньше дела у него шли неважно, а мама была вполне себе успешной актрисой. Зато я проводила много времени с отцом: мы рыбачили, катались на велосипедах, возились в гараже... Когда я стала старше, отец научил меня водить машину и мотоцикл. Но потом все изменилось. Папа нашел отличную работу, быстро поднялся по карьерной лестнице и исколесил полмира благодаря деловым поездкам. Мама же, наоборот, «вышла в тираж», как она сама о себе говорит. Правда, это никак не повлияло на наше с ней общение: мы не были близки ни до ее популярности, ни после... А вот по тому счастливому времени, которое мы проводили с отцом, я и по сей день страшно скучала. Все-таки я папина дочка.

– А теперь, – Йован окинул взглядом мою фигуру, – вижу,

что очень даже девушка.

Такого поворота событий я не ожидала. Пока подбирала слова, Йован насмешливо спросил:

– Снова назовешь меня дураком?

– А что тут называть, и так все ясно с тобой, – сказала я, – безмозглый малолетка.

Йован улыбнулся. Потом закрыл учебник и поднялся с полотенца. Я продолжила сидеть, поглядывая на него снизу вверх, отчего снова почувствовала себя глупо. Он вел себя так, словно превосходил в чем-то меня.

– Пойдем прогуляемся, – вдруг предложил он, и в его голосе не было ни капли учтивости. Предложение прозвучало скорее как приказ.

– С чего ты решил, что я хочу с тобой гулять? – с вызовом отозвалась я.

Йован удивленно взглянул на меня.

– А чем тебе еще заниматься?

– Мало ли, – пожала я плечами, хотя заняться действительно было нечем.

Тогда я подумала: что, собственно, потеряю, если проведу всего один день с этим нахальным мальчишкой? На вечер у меня уже куплен билет на электричку до города – я наконец возвращалась домой из дачного заточения.

– Ты прав, заняться мне нечем. Окажу тебе такую честь – разрешу прогуляться со мной.

– Тогда подожди, я окунусь. Такая жара. Посторожи мои

вещи, – нагло заявил Йован, пропустив мимо ушей слова про оказанную честь.

И вот я, скрипя зубами от злости, сидела рядом с его вещами и ждала, когда этот придурок наплещется, благо плавал он недолго. Но мне все равно казалось, что он назло делает все нерасторопно.

Почти два часа мы слонялись по дачному поселку. Все улицы я облазила тысячу раз, но почему-то сейчас многие места казались незнакомыми. Наверное, потому, что Йован обращал внимание на какие-то странные мелочи, которых я никогда не замечала.

– Ты видела, какие колонны у этого дома?

– Какие колонны? – вертела я головой. Не имела привычки разглядывать чужие дома. Тот, на который указывал Йован, оказался действительно с деревянными колоннами. Заброшенный, с провалившимися ступеньками, он смотрел пустыми глазницами окон с резными наличниками невероятной красоты.

Мы встали у покосившегося забора и уставились на дом. Совсем скоро он пойдет под снос. На его месте будет красоваться новый, типовой, из красного кирпича – такой же, как десяток других по соседству.

– Здесь когда-то жил талантливый архитектор с женой. Потом его жена умерла от воспаления легких, а он следом за ней – от тоски.

Я смотрела на старый, обшарпанный дом, и вдруг мне ста-

ло страшно, что моя бабушка тоже умрет от тоски по деду. И на месте дома, который мой дедушка когда-то построил своими руками, появится новый – современный и ничем не примечательный. Такие мысли мне совсем не понравились. Хотя я и не пылала большой любовью к нашей даче, дом мне было жалко. А о неминуемой кончине бабушки и вовсе думать не хотелось. Я первой пошла прочь от печального дома.

– Чем ты увлекаешься? – спросил Йован, догнав меня. Впрочем, спросил без особого интереса, из вежливости.

Мне почему-то захотелось произвести на него впечатление, поэтому я ответила:

– Мотоциклами.

В глазах Йована промелькнул интерес, и это меня обрадовало. Но я тут же одернула себя. Я понятия не имела, с чего мне вдруг захотелось получить одобрение соседа, будто он имел какую-то власть надо мной.

– Неожиданно, – наконец сказал Йован.

Возможно, задав мне вопрос, Йован надеялся, что я спрошу, чем занимается в свободное время он. То, что этот парень наверняка увлекается чем-то необычным, почему-то не вызывало сомнений. Фехтованием каким-нибудь или изучением идиш. Но я не стала спрашивать – из вредности, потому что мне казалось, что Гарбич расправит свой павлиний хвост. На его «неожиданно» я гордо улыбнулась. Мотоциклы на самом деле были моей страстью.

Мы бродили по поселку, пока большое вечернее солнце

не нависло над лесом. Остановились у дома бабушки. Я прижалась спиной к шершавому деревянному забору и прислушалась. Где-то совсем рядом шумели стрекозы, а с участка Гарбичей доносилось жужжание газонокосилки.

Йован стоял напротив и внимательно смотрел на меня. Даже как-то чересчур пристально. Меня ничуть не смущал его серьезный взгляд, скорее веселил. Этот странный парень весь день вызывал во мне эмоции и ни разу – равнодушие.

– По закону жанра ты должен теперь меня поцеловать на прощание, – отшутилась я.

– Я никогда не целовался, – сказал Йован.

– Seriously? – искренне удивилась я.

Йован был красивым и выглядел старше своих лет. Наверняка за ним в школе толпами бегали девчонки.

– Seriously. Ты ведь сама назвала меня малолеткой, – напомнил Йован. А потом вдруг предложил: – Научишь?

Я в шутку возмутилась:

– За кого ты меня принимаешь?

– За отвязную взрослую девчонку, которая в детстве лазила по деревьям, а теперь катается на мотоцикле.

– За отвязную девчонку со скучным именем? – уточнила я.

– Не думал, что ты такая трусиха и зануда, – поддел меня Йован.

Кажется, он всерьез настроился получить мой поцелуй.

– Ты берешь на слабо, что ли? – рассмеялась я.

Но Йован даже не улыбнулся в ответ, а застыл на месте и выжидающе смотрел. Я поймала внимательный взгляд Гарбича, и у меня на миг перехватило дыхание. Звук газонокосилки вдруг стал совсем глухим и теперь доносился издалека, будто у меня уши заложило. Запах свежескошенной травы, наоборот, стал чувствоваться острее. И мне вдруг захотелось стать той, кем меня описал Йован: отвязной девчонкой, которой все нипочем. Показать свое превосходство... И правда, слабо мне, что ли? Это всего лишь поцелуй.

Взяв Йована за руку, я повела его к нашей калитке. Он послушно плелся за мной. Я почувствовала власть над ним, и это меня взбудоражило. В старом сарае было темно, только сквозь деревянные доски проникали вечерние солнечные лучи, пахло деревом и смолой. Мы с Йованом встали друг напротив друга. Я видела лишь высокий силуэт парня и немного запаниковала. Нет, уже целовалась, но никогда не учила этому кого-то. Мне и в голову не могло прийти, что такое когда-нибудь случится со мной. Я решила начать с глупой лекции.

– Итак, когда ты находишься наедине с девчонкой...

– Мы болтать сюда пришли или целоваться? – недовольным голосом спросил Йован.

Его тон я расценила как волнение, но Гарбич вдруг решительно обнял меня за талию и поцеловал первым, да так, что мои ноги тут же ослабели, а сердце громко заколотилось. Йован классно целовался. Мой язык едва поспевал за умелыми

движениями его языка. Поддавшись накрывшим меня эмоциям, я не сразу оттолкнула парня. Когда до меня наконец дошло, что происходит, я уперлась кулаками в грудь Гарбича. Йован не стал напирать и отстранился.

– Что это было? – спросила я, тяжело дыша.

– Когда?

– Только что! – сердито рявкнула я. – Ты ведь сказал, что не умеешь целоваться!

– Значит, ты оценила? – в темноте голос Йована звучал довольно, и это меня обескуражило. Так вот для чего он все это затеял! – Значит, ученик превзошел учителя?

– Ты! Тупой самовлюбленный малолетка! – выкрикнула я, нащупывая в темноте грабли.

– Что ты задумала? – с опаской отозвался Йован.

Из сарая мы выбежали под страшный грохот повалившихся грабель и лопат. Мне хотелось прибить Гарбича. Весь день он заставлял меня чувствовать себя идиоткой, но под конец устроил настоящий спектакль. Йован бежал по заросшему участку с громким мальчишеским хохотом, а я, с граблями наперевес, выкрикивала ему в спину проклятия. Мое лицо пылало от злости и смущения. Я никогда не попадала в столь глупое положение. Гарбич оказался проворным, выскочил за калитку и выкрикнул напоследок:

– Пока, Маруся!

А я остановилась посреди участка и устало опустила руку с тяжелыми граблями. Повернувшись, увидела на крыльце

растерянную бабушку.

– Что случилось? – спросила она. – Почему ты носишься по участку, Маша?

Мне было и обидно до слез, и одновременно смешно от того, что я купилась на такую глупость. Я все-таки рассмеялась сквозь проступившие слезы.

– Как хорошо, что у меня есть билеты на электричку, бабуля, – ответила наконец я.

Уехать как можно скорее в город. И никогда-никогда не возвращаться сюда, чтобы не видеть больше наглого придурка Йована Гарбича.

Глава первая

Педали на велосипеде страшно прокручиваются, и я не могу спокойно проехать и пары десятков метров. Конец августа выдался душным. Дело уже к вечеру, а над поселком до сих пор жарит большое раскаленное солнце. Еще и комары противно зудят над ухом. Мало того что нужно крутить сло-манные педали, так еще и приходится останавливаться каж-дые пару минут, чтобы отмахнуться от надоедливых крово-сосов.

Страшно вихляя, с горем пополам я доехала практически до нашего дома, но остановилась, чтобы перевести дух. Даль-ше – дорога в гору.

Несмотря на все неприятности с велосипедом, настроение у меня отличное. Но скорее определение «романтично-меланхоличное» здесь больше подойдет. А все потому, что се-годня я снова встречалась с Ленечкой. Бабушка предупре-ждала, чтобы я не общалась с этим парнем, но меня к нему тянуло словно магнитом.

Познакомились мы в местном магазине. Ленечка стоял за мной в очереди, а потом галантно предложил донести тяже-лый пакет до нашего дома, ведь, как оказалось, нам по пути. Ленечка сказал, что давно приметил меня в поселке, пару раз видел на станции, но не находил повода подойти. Я сму-щенно улыбалась всю дорогу – мне было приятно внимание

такого симпатичного и неординарного парня.

Ленечке двадцать четыре – высокий смуглый брюнет с подтянутой спортивной фигурой и правильными чертами лица. Отросшие волосы Ленечка стягивает в небольшой хвостик, и это сводит меня с ума. Всегда была неравнодушна к длинноволосым мужчинам. Несмотря на страшную августовскую жару, Ленечка в черных джинсах и футболке. Но, пожалуй, самое необычное в Лене – его глаза: чуть раскосые, с ярко-зелеными радужками. А еще меня подкупала Лена на работа. В день нашего знакомства Ленечка рассказал, что снял дачу у дальней родственницы, чтобы дописать свой роман. Ро-ман! Да, Леня – писатель, и это очень романтично... Никогда не встречалась с писателями. Ну и дачу он подобрал колоритную: белый каменный дом в два этажа с деревянными балками. Рядом – лесное озеро с кувшинками и лесистыми островками. Очень живописные места.

Бабушка, увидев в первый вечер, кто проводил меня до дома, немного расстроилась. Оказывается, про Ленечку ей рассказывала подруга Клара Ивановна, чей участок граничит с участком нового жильца. Леня – племянник ее соседки. Та когда-то обмолвилась об этом другой соседке, потом – еще одной, и пошло-поехало... Бабуля рассказала, что Леня очень своеобразный парень, еще и лечился у «мозгоправа». А это для моей бабушки сродни госпитализации каждую весну в психушке. Она обожает все преувеличивать и не понимает «моду» на психотерапию. «Вот жили мы безо всяких

депрессий». По мнению бабушки, нашему поколению просто заняться нечем. Я сказала, что посещение психотерапевта в наши дни – обычное и полезное дело и в том, что Ленья проходил терапию, нет ничего страшного. Наоборот, он молодец, что проработал свои травмы. Мало ли что в жизни могло случиться – тяжелое детство, неразделенная любовь...

– Я ж говорю, псих, – сделала свой вывод бабушка.

Я вздохнула.

– Бабуля, сейчас многие следят за своим психическим здоровьем.

Но бабушка только махнула рукой.

Конечно, в следующую нашу встречу я настороженно отнеслась к Лене. Все выискивала в его поведении «своеобразие», как назвала это бабушка. Но так ничего подозрительного и не обнаружила. А спрашивать его напрямую, для чего он посещал «мозгоправа», да еще и ни с того ни с сего, как-то глупо. Постепенно тревога, которую во мне все-таки посеяла бабушка, ушла. Ленечка оказался отличным парнем, и с каждой новой встречей нравился мне все больше. Он увлеченно рассказывал о своей работе, книгах, истории, политике... Впервые мне встретился такой уравновешенный, эрудированный и интересный парень. Еще и голос у Ленечки низкий, глубокий. Слушать его – одно удовольствие.

Вот и сегодня мы снова провели день вместе. Пили чай на крыльце того самого каменного дома и много болтали. Правильнее сказать, болтал больше Ленья. Я помалкивала, боясь

ляпнуть какую-нибудь глупость, да и не хотелось Леню перебивать.

Все-таки он какой-то инопланетный парень, прибывший в наш дачный поселок из прошлого. Свою книгу писал от руки или печатал на старой машинке, которую привез из города. Он постоянно слушал Филя Коллинза, как мой отец, – этим Леня мне тоже нравился. Песни Коллинза ассоциировались с любовью и детством. И пусть у Лени и отца из общего был лишь музыкальный вкус, я все равно постоянно проводила между ними параллели. Отец всегда восхищал меня, восхищает теперь и Леня... Так мы и сидели с ним на ступеньках, слушая *Oh think twice, it's just another day for you and me in Paradise*, и в чашках с черным чаем отражалось небо.

Ленечка носил тряпичные белые кеды без лейбла и читал старые книги. Наверное, мои друзья сочли бы его старомодным и не от мира сего. Я даже не представляла, как можно познакомить Леню с лучшей подругой. Но до этого было еще далеко... Я пока сомневалась, что из наших посиделок на крыльце могло получиться что-нибудь серьезное. За те две недели, что мы гуляли вместе, Леня ни разу не пытался меня поцеловать, а подходящих ситуаций возникало предостаточно. Каждый раз, когда он провожал меня, я ждала, что вот-вот это произойдет. Но Ленечка долго разглагольствовал о том, чем ему понравился прошедший день, а затем прощался, пряча руки в карманы брюк. Меня это расстраивало. В голову лезли мысли, что я, возможно, не привлекаю его как

девушка. И не стать мне музой в будущем известного писателя. Но ведь я то и дело ловила на себе заинтересованный взгляд Лени... Значит, просто еще не пришло время. В конце концов, Ленечка – мой «парень из прошлого». А раньше все происходило совсем иначе, поэтому он и не спешит. Кто знает, если бы у нас все быстро закрутилось, то, возможно, я бы уже охладела к этому парню, ведь так обычно у меня и бывает, а здесь интрига...

Сегодня мне казалось, что этот вечер – идеальный для нашего первого поцелуя: и вкусный чай в белых чашечках, и уже сумрачное летнее небо, и Another Day in Paradise в колонках... Но вместо поцелуев Леня снова завел разговор о своем будущем романе, а потом признался, что сегодня ему нужно успеть закончить главу и он не сможет меня проводить. На велосипед я садилась крайне разочарованной.

– Увидимся завтра, – сказал Леня на прощание и слегка приобнял меня. Я почувствовала запах его терпкого парфюма.

– Угу, – пробормотала я, – увидимся.

– Ты замечала, какое красное мерцание у той звезды? – спросил Леня, подняв голову.

Я тоже уставилась в вечернее небо. Сегодня пасмурно, звезд почти не видно. Но ту, о которой говорил Леня, все-таки с легкостью обнаружила. Она горела ярче всех.

– Арктур – самая яркая звезда в созвездии Волопаса. Я хотел так назвать свой роман...

– А я думала, это Марс, – перебила я. Снова разговариваем про звезды, вместо того чтобы целоваться. – Ладно, поеду, а то к ужину опоздаю...

И вот я стою перед крутой горой и снова смотрю на яркую мерцающую звезду. Она сопровождала меня, пока я медленно катила вдоль усыпанной полевыми цветами обочины. Духота стояла страшная. Наверное, вот-вот разразится гроза. Я тяжело вздохнула и, спрыгнув с велосипеда, покатила его в гору. С такими педалями брать высоту не рискнула... А когда наконец вышла к дому, то с удивлением обнаружила недалеко от нашего забора черный «Шевроле Тахо». За все время, что я торчу у бабушки, соседи ни разу не приезжали на дачу.

Я замерла. Тишина, слышно только, как кузнечики стрекочут в траве. Из машины вышел холеный хозяин соседней дачи. Я два года не приезжала в поселок, обычно отец сам привозил бабулю в город на праздники, поэтому и соседей не видела давно. Мужчина ничуть не изменился – такой же загорелый, подтянутый, с сумкой для теннисных ракеток на плече. Он обогнул машину и направился к открытым воротам. Когда сосед скрылся на участке, автоматические ворота почему-то не закрылись. Я постояла пару секунд, а затем, забравшись на велосипед, поехала к бабушкиному дому. Педали снова прокручивались со страшным скрипом. Едва не упав, я слезла с велосипеда. Поправила задравшийся подол сарафана и потопала дальше пешком. Ворота были рас-

пахнуты, и меня разобрало любопытство. Проходя мимо соседского участка, я не удержалась и осторожно заглянула во двор. Все так, как я себе и представляла: ухоженная территория, искусственный симпатичный пруд, большой двухэтажный дом с просторной верандой. В центре журчал небольшой фонтанчик, вдоль асфальтированных дорожек светили фонарики, и вообще территория оказалась большой, но очень уютной. Конечно, здесь наверняка поработали ландшафтный дизайнер и садовник. Я вспомнила бабушкин участок. За те два года, что меня не было в поселке, дом покосился, а сад еще больше зарос сорняками. Этим летом папа принял решение все-таки продать дом, а бабушку увезти в город, чтобы она была под присмотром. Именно поэтому мы с отцом приехали сюда в августе, чтобы привести дом в порядок перед продажей. С утра и днем растаскивали всякий хлам, а по вечерам я гуляла с Леной или купалась в озере. Два дня назад отцу пришлось срочно уехать в очередную командировку, и наша работа приостановилась.

Задумавшись, я не сразу услышала, что из черной машины вышел кто-то еще. Вот почему автоматические ворота не закрывались. Я как-то не подумала, что хозяин соседской дачи приехал не один – стекла-то затонированы, кто еще находится в машине, не разглядишь.

– Что же ты не проходишь? – раздался насмешливый голос за спиной.

Я резко обернулась, едва не выпустив из рук велосипед-

ный руль, и увидела Йована.

* * *

За те пару лет, что мы не виделись, он изменился. Стал еще выше ростом и шире в плечах. Ему бы в фильме молодого скандинавского бога играть... Светлые волосы отросли, и Йован теперь зачесывал их назад. Что в Гарбиче осталось неизменным – так это дерзкий взгляд. Йован был все тем же Каем из сказки, просто чуть повзрослевшим.

Не могу сказать, что часто вспоминала о нем. Тот день, когда он развел меня на поцелуи, был будто в прошлой жизни. Дурацкая история. Отчего-то сейчас я вспомнила все случившееся в мельчайших подробностях, и пульс участился. И все-таки я не ожидала, что второй раз мы встретимся в такой глупой ситуации, когда я буду шпионить около его дома. Створки ворот за моей спиной, не дождавшись молодого хозяина, с громким жужжанием поползли друг к другу. От неожиданности я вздрогнула.

– Что ты делала? – задал новый вопрос Йован.

Я посмотрела на закрытые высокие ворота.

– Просто хотела узнать, как там у вас и чего... – растерянно отозвалась я. Объяснение показалось нелепым.

– И как там?

– А?

– И чего? – продолжал изводить меня Йован. Свою наглуую

ухмылку он даже не скрывал.

– Теперь закрыто, – проворчала я, взмахнув руками в сторону забора.

– Так, может, тебя посадить? – предложил Йован.

– Иди ты к черту! – взорвалась я. В конце концов, ничем незаконным я не занималась. Как это я успела забыть, что он настолько несносный.

Йован рассмеялся. Открыл заднюю дверь машины и достал точно такую же сумку с теннисными ракетками, как у отца. Накинул ремень на плечо, а затем взял в руки несколько учебников.

– Это и есть твой мотоцикл? – кивнул он заинтересованно на старый велосипед. На нем еще мой папа в детстве катался.

Надо же, Йован тоже помнил наш разговор двухлетней давности. И даже мое увлечение мотоциклами. В то лето я только начинала свой водительский путь и учила билеты, чтобы получить права. А теперь неплохо каталась и в наших гонках с отцом по ночному городу часто приезжала первой. Но рассказывать об этом Йовану не хотелось. Это в прошлый раз мне пришлось сбить с него спесь и произвести впечатление. И вообще, много будет знать, скоро состарится. Хотя до старости ему еще как до Китая пешком. Я снова проигнорировала вопрос и взглянула на учебники в руках.

– А ты до сих пор к экзаменам готовишься? – усмехнулась я.

– Есть такое.

– Бедный малыш! – притворно вздохнула я. – Напомни, сколько тебе лет?

– Двенадцать, – огрызнулся Йован.

А я ликовала – все-таки мне удалось его задеть. Хотя было ясно, что Йован готовится к поступлению в университет.

– На какой факультет собрался?

Йован удивленно посмотрел на меня. Но мне действительно стало интересно, какую профессию выбрал этот парень. Да и что такого – поддержать беседу? По-соседски.

– Восточный.

Ну еще бы! Я и не сомневалась, что он и здесь выпендрится.

– А ты? – спросил Йован.

– Что я?

– Учишься где-нибудь?

Я училась в Высшей школе менеджмента на маркетолога и была довольна выбором профессии. Но при встрече с Гарбичем меня словно переключило. Вспомнила, как этому нахалу, видите ли, показалось скучным мое имя – Маша Раева. И я ответила:

– На факультете ракетостроения.

– Да ну, – удивился Йован.

– Живи теперь с этим, – улыбнулась я и, крепче ухватившись за руль, села на велосипед. Хотелось эффектно укатить в закат, но вместо этого педали снова прокрутились, а я спрыгнула на землю. Не хватало еще свалиться перед Йо-

ваном.

Со стороны леса прогрохотал гром, откуда-то набежали тучи. Стало совсем темно. Однако, несмотря на приближающийся дождь, духота пока никуда не ушла.

– Могу починить твой велик, – сказал Йован.

– Что, прости? – обернулась я. – Ты сможешь?

– Ты строишь ракеты, а я с велосипедом не могу разобраться? – улыбнулся Йован. И по его хитрой улыбке я поняла, что насчет ракетостроения он не поверил.

– Да я и сама могу справиться, – нахмурилась я.

Это правда. В детстве мы с папой часто проводили время в гараже, чиня его мотоцикл или машину. А вот до старого велосипеда руки не доходили. Особенно в этот приезд, когда так много работы по дому, а вечерами все мои мысли занимал Ленечка.

Начал накрапывать дождь, и теплые капли защелкали по лопухам. Стоять было неудобно и глупо. Мне казалось, что мы уже сказали друг другу все, что хотели. Не виделись два года и обменялись вежливыми колкостями.

Поежившись от дождя, я покатила велосипед к дому бабушки. Йован продолжил стоять на месте, а потом вдруг негромко окликнул меня:

– Маша!

Йован впервые назвал меня по имени, и из его уст оно прозвучало неожиданно тепло и ласково. Очень уж мягко Гербич произносил шипящие. Я обернулась. Что еще ему от

меня надо?

Дождь успел намочить его волосы, и мокрая светлая прядь упала на лицо.

– Чего тебе? – не очень вежливо поинтересовалась я.

– Может, дашь мне свой номер телефона? – задал Йован неожиданный вопрос.

Я растерялась.

– Зачем тебе?

Йован пожал плечами и свободной рукой достал из кармана айфон последней модели.

– Напишу тебе как-нибудь.

Он подошел ко мне и протянул телефон. Немного поколебавшись, я взяла из его рук телефон и вбила в «Контакты» свой номер.

Пока я набирала цифры, Йован сказал:

– Вдруг появятся вопросы по ракетостроению.

Я подняла голову и рассерженно посмотрела на Гарбича. Зря дала ему номер! Пару секунд мы пялились друг на друга, а затем я вернула ему телефон.

К нашей калитке шла гордой походкой, не оглядываясь. Знала, что Йован провожает меня взглядом. Разошедшийся дождь громко шуршал в ветвях деревьев.

Зайдя на участок, я бросила велосипед у забора, и звонок на руле громко звякнул. Капли звучно тарабанили по крыше. Безуспешно укрываясь руками от дождя, я вбежала в дом. Бабушка сидела на кухне и что-то вышивала. Люстра туск-

ло освещала круглый стол с белой скатертью. За окном стало совсем темно, только изредка молнии яркой вспышкой пронзали небо.

В горле пересохло. Я подбежала к плите и, схватив чайник, стала жадно пить прямо из носика. Теплая струйка воды потекла по подбородку и шее. Бабушка отложила вышивку и удивленно посмотрела на меня поверх очков.

– Маша, за тобой кто-то гнался? – удивленно спросила она. И даже, приподнявшись, посмотрела в окошко на заросший участок.

Я и сама не могла понять, почему так захотелось пить... Промычала что-то неразборчиво и продолжила пить дальше, тоже поглядывая в окно. Отсюда был виден кусочек дома Гарбичей. На втором этаже горел яркий желтый свет. Интересно, чья это комната? Я пила, не отводя взгляда от чужого окна. Потом свет резко выключился, и в комнате стало темно. Теперь я видела только наше грязное окно, залитое дождевыми каплями. Вряд ли на меня кто-то сейчас смотрел, но, поставив чайник обратно на плиту, я на всякий случай приосанилась.

– Никто за мной не гнался, бабуль, – ответила я наконец. – Ты видела, какой дождина на улице?

Бабушка покачала головой и вернулась к вышивке.

В кармане сарафана завибрировал телефон. Я тяжело вздохнула и снова взглянула в темное окно, по которому зигзагами стекала вода. Зря я дала свой номер этому малолетке,

теперь изведет. Но, достав смартфон, увидела, что пришло сообщение от Ленечки: *«Без тебя такая тоска... Плачу, как сегодняшняя погода»*.

Прочитав сообщение, я не смогла сдержать улыбку. Это не осталось незамеченным для бабушки. Она снова строго посмотрела на меня поверх очков.

– Опять этот сумасшедший пишет? – спросила бабуля. – Ты снова с ним встречалась?

Я рассмеялась.

– Бабуль, ну какой он сумасшедший?

– А разве нет? Что это за профессия для мужчины – писатель? Они все не в себе.

– По-твоему, лучше бы он был предпринимателем?

– Определенно.

– Или сантехником?

– Чем плох сантехник? – удивилась бабушка. – Твой де-душка работал сантехником. А потом до начальника жэка дослужился.

– Ничем не плох, – пожала я плечами. Но меня всегда привлекали творческие профессии. Мой первый парень был свободным художником. Правда, у него была куча пагубных привычек, из-за которых нам все-таки пришлось расстаться. Но Ленечка, насколько я знала, ничего запрещенного не употреблял. Следом пришло еще одно сообщение от Лени:

«Не любить.

Не скучать.

Не ревновать.

Не получается...»

Не ревновать? О чем это он? Я снова посмотрела в окно.

– А если бы он был востоковедом?

– И на кой тебе востоковед? – еще больше удивилась бабушка.

– Проводил бы экскурсии в Эрмитаже на китайском...

Бабуля только рукой махнула, решив, что я снова придуриваюсь. Я так и зависла с телефоном в руках. Не знала, что отвечать Лене. Его сообщения часто сбивали меня с толку, хотя, безусловно, были очень приятны. Леня, не дождавшись от меня сообщений, прислал третью эсэмэску: *«Это был Маяковский. Завтра увидимся?»*

Я послала в ответ «влюбленный» стикер и добавила, что завтра уезжаю в город увидеться с лучшей подругой, поэтому с Леней мы встретимся только послезавтра...

Поболтав еще немного с бабушкой, я отправилась спать. Долго ворочалась в постели, разглядывая на потолке дрожащие тени от веток деревьев. Из окна моей комнаты дом Йована не виден. Сна ни в одном глазу. Когда снова завибрировал телефон, извещая о новом сообщении, я слишком быстро схватила трубку – подруга Лика уточняла, все ли завтра в силе. Даже самой себе я не могла признаться, что в глубине души жду сообщения от другого человека... Зачем спрашивать номер, если не собираешься писать?..

Ворочаясь, я гнала глупые мысли и представляла встречу

с Ленечкой... Ночью мне снился дом Гарбичей: просторные светлые комнаты, огромное крыльцо, с которого видны разноцветные клумбы и каменный журчащий фонтанчик...

Йован так и не написал.

Глава вторая

В городе о ночной грозе напоминали глубокие лужи. Но жара и не думала отступать. Окна во многих домах были распахнуты настежь.

Мы с Ликой договорились встретиться в кафе на улице Маяковской, где подавали вкусные пирожные. За окном проносились облитые солнцем автомобили, неспешно брели измученные духотой прохожие. Но почему-то именно сегодня, несмотря на свирепствующий августовский зной, чувствовалось приближение осени. А может, это мне хотелось так думать... Лето и жара страшно надоели. Золотая осень – мое любимое время года, и я с нетерпением ее ждала.

Как обычно, я пришла раньше Лики. Подруга всегда опаздывала, а я имела полезную привычку приходить вовремя. Порой мое маниакальное желание не опоздать доходило до абсурда. Я могла выйти из дома за пару часов до предполагаемой встречи. Вот и сегодня уехала в город чуть ли не на первой электричке, хотя, зная «пунктуальность» Лики, могла особо не торопиться.

А все из-за мамы. Какую взбучку она устраивала каждый раз, когда я опаздывала на тренировки по плаванию, до сих пор вспоминаю с содроганием. И теперь, если я не успеваю на встречу, сердце у меня бешено колотится и тошнота подкатывает к горлу. Пока я не решила, что делать с гиперответ-

ственностью, которую привила мне мама, но это неприятное чувство определенно мешало жить.

Ли́ка опаздывала уже на полчаса, и я заказала вторую чашку капучино. Хорошо, что столик мне достался не в проходе, а в углу у окна – никто туда-сюда не ходит...

Колокольчик на двери звякнул, и в кафе наконец появилась Ли́ка. Складывалось впечатление, что она особо и не торопилась. Лениво оглядела помещение, заметив меня, приветливо помахала и отправилась к бариста заказывать кофе.

Когда подруга под села ко мне за столик, я принялась внимательно рассматривать ее. Ли́ка изменилась с нашей последней встречи: сделала короткую стрижку и высветлила волосы, еще и брови обесцветила, в носу – новый септум. Мы не виделись с начала лета – Ли́ка моталась по стране в поисках приключений: поездка на Байкал с одноклассницей, йога-лагерь в Крыму... Подруге было не до встреч со мной. А потом я сорвалась из города, но, конечно, повод для этого был скучный – разбирать хлам в старом бабушкином доме перед его продажей. Уезжала я в самом скверном настроении... Кто ж знал, что этим летом я встречу на даче свою любовь.

– Прикольная прическа, – показала я почему-то на свою голову. Мне никогда не хватит смелости на такие кардинальные перемены. Вот уже несколько лет я носила длинные волосы и чаще всего собирала их в высокий хвост. Волосы свои я любила и очень берегла – слишком долго мне пришлось но-

свить ненавистную короткую стрижку. Лица на мой комплимент польщенно кивнула, а я ехидно продолжила: – Если бы ты не опоздала на полчаса, то я тебя и не узнала бы, но ты в своем репертуаре.

– Какая прелесть! – улыбнулась Лица. – А ты здесь наверняка с самого утра сидишь.

Подруга была недалеко от истины.

– Или еще с вечера палатку раскинула? – продолжила Лица. Она и не думала извиняться! Я показала ей неприличный жест и отпила кофе.

Я не рассказывала Лице о Лене, подруга сама обо всем догадалась. Долго и внимательно рассматривала мое лицо, а потом расплылась в улыбке.

– Кто он? Говори!

Я смутилась. Вот так сразу – с места в карьер. Но, увидев подругу, я нестерпимо захотела рассказать ей о Ленечке. А с кем мне еще делиться? С бабушкой, которая не одобряет мой выбор, потому что писатель – это несерьезно, по ее мнению? Да уж, бабуле нужен председатель совхоза, не меньше.

– Неужели по мне так заметно? – рассмеялась я.

– Издеваешься? Да у тебя глаза горят! – воскликнула Лица и подперла подбородок кулаком, приготовившись слушать.

Я мельком взглянула на телефон: новых сообщений от Лени не было, от Йована – тоже. Подумала о соседке и рассердилась. Для чего он взял у меня номер телефона? И почему я все-таки жду от него СМС?

– Ну хорошо, – выдохнула я, – его зовут Леонид. И он очень необычный парень.

– В плане? – удивилась Лика. – Не от мира сего?

– Почему сразу не от мира сего? Просто он писатель. Вот ты много писателей знаешь?

Лика на мгновение задумалась.

– Лично? Ни одного.

– Вот видишь! А он пишет какой-то исторический роман. Я особо не вникала, если честно. Но он такой неординарный...

Я принялась рассказывать Лике, как Леня снял старую красивую дачу «для вдохновения», притащил туда печатную машинку... Как он слушает Коллинза и пьет только чай с бергамотом, учился в литературном и знает кучу стихов наизусть. А еще упомянула о том, что над Ленией витает ореол таинственности.

– К нему тянет словно магнитом, понимаешь? – призналась я. – Со мной такого раньше никогда не было.

Иногда мне даже казалось, что Леня меня приворожил. Где это видано, чтобы я целых две недели торчала на даче, да еще и с такой идиотской миссией – круглыми сутками делать уборку, полоть сорняки и выносить на свалку скопившийся в доме мусор. В другой раз я запросто нашла бы повод не ехать. Наврала бы с три короба отцу, тем более что я его любимица и он часто освобождал меня от рабского труда. Но теперь я, к удивлению папы, прописалась на даче и возвра-

щаться в город до начала учебы не планировала. Бабушка о моем романтическом увлечении по моей просьбе отцу не рассказывала, хоть Ленечка и не внушал ей доверия.

– Бабуля считает, что у него несерьезные намерения по отношению ко мне, – сказала я, откусив пирожное.

– У кого, интересно, серьезные намерения в двадцать лет? – засмеялась Лика.

– Он старше, ему двадцать четыре.

Лика только махнула рукой: мол, какая разница.

– А сама что думаешь? – поинтересовалась подруга.

Перед глазами встал образ Лени. Его зеленые, как изумруд, глаза, темные волосы, спортивная фигура... Интересное увлечение, необычные разговоры, эрудированность... и мой страх ляпнуть что-нибудь не то.

– Честно? – спросила я. – Думаю, что я его недостойна.

– Ну здравствуйте! – возмутилась Лика. – Опять двадцать пять! Внушила же тебе твоя мамочка кучу комплексов...

– Снова хочешь поссориться? – нахмурилась я.

Мы с Ликой почти всю жизнь вместе – живем в одном районе, ходили в один детский сад, потом в один класс, поступили в один университет. Лика училась на факультете психологии и постоянно пыталась устроить мне сеанс психотерапии. Один раз я все-таки сдалась, и мы попробовали «поговорить по душам». В итоге Лике удалось вытянуть из меня такие подробности, что к концу нашей беседы я обливалась слезами, чувствуя себя уязвимой как никогда. И я со-

рвалась на подругу. Мне казалось, что это именно она виновата в том, что я рыдаю и чувствую себя такой несчастной... Зачем берeditь прошлое, которое причинило столько боли? Только с годами я научилась принимать маму... Последние пару лет мы не ссоримся, просто не обращаем друг на друга внимания. Как выяснилось, обида на нее никуда не делась, но обсуждать маму с Ликой мне расхотелось навсегда.

– Ладно, больше не буду, – проворчала подруга. – Давай вернемся к твоему Леониду...

– Еще он кажется мне очень старомодным. Мы встречаемся две недели и еще ни разу не целовались.

– Может, он в какой-нибудь религиозной секте? – предположила Лика. – Когда до свадьбы только за ручку держатся.

Я рассмеялась.

– Думаю, он просто подогревает мой интерес.

– Нужно Славу подключить, он рассудит, что к чему.

Слава – парень, по которому вздыхала Лика еще с одиннадцатого класса. Мы учились в одной параллели, а потом оказались в одной группе на факультете. Как-то незаметно для нас обеих мы со Славой сдружились. Сидели за одной партой, болтали на парах, вместе ходили в столовку и давали друг другу списывать на зачетах. При этом Слава никогда мне не нравился как парень. Нет, он был очень обаятельным и симпатичным – высокий короткостриженный блондин с веселыми серыми глазами, но, наверное, из-за школьной влюбленности Лики я изначально не рассматривала Славу

в качестве потенциального бойфренда. Да и он, кажется, не испытывал ко мне никаких трепетных чувств, и это меня ничуть не задевало. Наоборот, осознав это, я почувствовала облегчение. Мне нравилось только дружить со Славой. А быть третьей в треугольнике мне совсем не улыбалось. Зато Лика, узнав, кто со мной в одной группе, тут же активизировалась. Сколько раз я пыталась их свести – дальше непринужденного флирта и взаимных подколов дело не двигалось. К тому же Славка был тем еще бабником – девчонок менял каждый месяц как перчатки, поэтому теперь мы втроем просто дружим. Но Лика все равно не упускает шанса нет-нет да и покочетничать со Славой. Порой я сама не понимаю, что происходит между ними. Их переглядки и перепалки сводят меня с ума...

– Да ну его, – поморщилась я. – За все лето даже времени не найдет мне написать, не то что встретиться. Сколько раз я просила его поехать со мной на дачу и разобрать хлам... Когда он ремонтировал свою студию в том году, я первой пришла на помощь.

– А хочешь, мы вдвоем приедем, поможем тебе? – тут же оживилась Лика.

Ключевое слово здесь, конечно, «вдвоем», а не «поможем». Я уже представила себе, как они, флиртуя, будут дурачиться, кидая друг в друга яблочками, в то время как я одна буду горбатиться на огороде, выдирая траву.

– Да мы с отцом основную работу сделали, – сказала я. –

Вы можете просто так приехать. Например, в понедельник, пока каникулы. Заодно познакомитесь с Леней.

Ли́ка загорелась еще больше. Я даже пожалела, что предложила ей это. Как бы мои друзья не спугнули парня, который мне нравится. Леня казался таким необычным, неприступным и возвышенным... Мы же обычные ребята. Наедине с Леней я еще старалась давить из себя «необычность», однако, когда мы собираемся вместе, вся дурь, понятная только нам троим, лезет наружу... А с другой стороны, зачем мне парень, который не принимает моих друзей? Пока я все это обдумывала, Ли́ка продолжила восхищаться моим предложением.

– Слушай, только ты как-нибудь подстрой, чтобы не я Славку на дачу звала. Но при этом обязательно намекни, что я не хочу тащиться одна на электричке, пусть он за мной на Обводной заедет. Хорошо?

– Ага, – отозвалась я, вернувшись к пирожному.

– Ох, Машка, мне так не терпится увидеть твоего таинственного Леонида...

Я счастливо рассмеялась и взглянула в окно. А потом, подавившись и позорно закашлявшись, прохрипела:

– Ну так смотри...

* * *

Ленечка стоял по ту сторону панорамного окна и смотрел

на меня. Солнечные блики прыгали по его лицу, а за спиной на светофоре толпились прохожие. Я никак не ожидала увидеть здесь Леню, поэтому и поперхнулась. Кашляла так, что слезы выступили на глазах. Лика не выдержала и, перегнувшись через стол, похлопала меня по спине.

– Попей ты уже! – рассердилась она, пропустив мимо ушей мое предложение посмотреть на Леонида. Подруге и в голову не могло прийти, что тот, о ком мы разговаривали последние полчаса, находится совсем рядом. Наконец я перестала кашлять и снова взглянула в огромное панорамное окно. Ленечка стоял на том же месте. Благодаря огромному окну можно было рассмотреть его в полный рост. Вот как бывает! Наверное, он тоже приехал в город по делам и случайно увидел меня в кафе. В таких совпадениях какое-то колдовство – все-таки это судьба, что мы повстречали друг друга. Я первой улыбнулась. Леня тоже широко улыбнулся в ответ, и его глаза засияли искренней радостью.

Лика проследила за моим взглядом и тоже уставилась в окно.

– Надо же, какой красавчик, – сказала она. – А чего он так лыбится?

Я не могла ей все объяснить, мне было некогда – я улыбалась Леониду. Но Лика сама сообразила, что к чему. Снова перевела на меня взгляд и восхищенно произнесла:

– Так это он?! Ну надо же... Что он здесь делает?

На этот вопрос у меня не было ответа.

– Еще и с цветами.

От волнения я не заметила в руке Лени букет гортензий. Улыбка тут же исчезла с моего лица. Если Ленечка в городе по делам и встретил меня случайно, то кому же предназначается этот букет? Я тут же почувствовала ревность.

– Это так романтично! – воскликнула Лика.

– Романтично? – удивилась я. – Думаешь, это мне?

– Ну а кому ж еще, дуреха? – рассмеялась подруга.

Я не могла взять в толк, откуда Леня мог знать, что я встречаюсь именно в этом кафе. А может, во время вчерашней переписки я все-таки обмолвилась, где и во сколько мы с Ликой встречаемся, просто теперь об этом забыла? Говорю же, когда я рядом с Ленией, то нахожусь в каком-то туманном состоянии, будто меня околдовали. Надо же обладать такой энергетикой...

Осознав, что цветы все-таки для меня, я разволновалась.

– Слушай, может, вас в другой раз все-таки познакомить, уже на даче?

– Хочешь сбежать к своему принцу? – улыбнулась Лика.

– Очень-очень хочу! Как я выгляжу?

– Усы отличные! Как у Якубовича.

– Какие еще усы? – опешила я.

– Белые. От пирожного.

Я схватилась за сумочку, в которой лежало зеркальце.

– Ты почему мне сразу не сказала? – возмущалась я, вытирая салфеткой крем. Может, Леня поэтому и улыбался так

широко, что я во всей красе предстала перед ним – нелепая и усатая.

– Да я откуда знала, что твой суженый за стеклом? – принялась оправдываться Лика. – К тому же он такой классный. Я сначала на него засмотрелась, потом уж на тебя глянула...

Последнюю фразу подруга произнесла с каким-то странным придыханием, и я подозрительно покосилась на нее.

– Ладно тебе, отлично выглядишь, – утешила меня Лика.

Леня продолжал стоять на улице, смущенно топчась на месте. Букет он бережно прижимал к груди. Судя по тому, что Ленечка так и не зашел в кафе, знакомиться сегодня с моей подругой он тоже не планировал. Быть может, это даже к лучшему. Мне казалось, что я должна морально подготовиться к их встрече.

– Беги уже к нему, – рассмеялась Лика, глядя, как я поспешно убираю зеркальце в сумочку.

Я вытащила несколько купюр и оставила их на столе.

– Обязательно позвоню Славе и скажу, чтобы заехал за тобой! – пообещала я.

– Тогда увидимся на даче, – кивнула на прощание Лика.

Я выскочила из-за стола и помчалась к выходу. По пути запнулась о ножку чужого стула... Рассядутся в проходе! Хорошо, что была в кедах, иначе точно в спешке не удержала бы равновесие и навернулась.

Но из кафе я вышла с невозмутимым видом, который мне удалось напустить на себя. Леня с букетом в руке казался

таким трогательным, что меня переполнила нежность. Но я все-таки немного опасалась, что цветы предназначены не мне.

– Привет, – смущенно сказала я, подойдя к нему вплотную.

– Привет! – эхом отозвался Леня и протянул мне букет.

– Гортензии – мои любимые, – пролепетала я, уткнувшись носом в букет.

А потом мне пришло в голову, что мы стоим у окна и за нами точно следит Лика. Я повернулась и, естественно, наткнулась на заинтересованный взгляд подруги. Лика сидела, развалившись за столом, и, уплетая пирожное вместо попкорна, наблюдала за нами. Я рассмеялась, показала ей язык и взяла Леню за руку.

– Прогуляемся? – предложила я. – Как ты здесь оказался?

– Мне тоже нужно было уехать в город, – ответил Леня.

Я огляделась. Недалеко от кафе стояла цветочная палатка. Скорее всего, Леня оказался в этом районе по делам и, проходя мимо, увидел меня за столиком у окна. Забежал в палатку за букетом, чтобы сделать сюрприз. Все это мне показалось жутко романтичным. Даже голова немного от охватившего счастья закружилась. Я крепче сжала ладонь Лени. Мы впервые оказались вдвоем в городе. Обычно торчали на даче у Лени или гуляли по лесу. И сейчас, среди гудящих машин в толпе прохожих, мне показалось, что это наше первое настоящее свидание. Мы молча шли, время от времени

переглядываясь и улыбаясь друг другу. В жару прохладные стебли гортензий приятно охладили одну ладонь, вторая же, напротив, была теплой из-за прикосновений Лени.

Мы петляли по залитым солнцем улицам, а затем вышли на набережную Кутузова. Немного постояли у гранитного парапета, разглядывая спокойную Неву. А затем, взявшись за руки, снова побрели вдоль набережной. Я почему-то подумала о том, как жаль, что нет мотоцикла. Сейчас бы за несколько секунд набрать скорость и рвануть до нашей дачи, чтобы мотор ревел, ветер шумел, а мы неслись по дороге, не думая ни о чем... Только скорость и адреналин. Каждый раз меня охватывало чувство свободы. Но когда я поделилась мыслями с Леной, он почему-то сразу нахмурился.

– Мне не нравится, что ты гоняешь на мотоцикле, – немного погодя, сказал он.

Я от такого неожиданного заявления даже сбавила шаг.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею, – ответил Леня, – мотоциклы – это не женское дело, к тому же очень опасное.

– Я никогда не езжу без шлема, – тут же поспешила заверить я. – И скорость не превышаю. Никогда. Ну... почти.

На этой фразе я немного замялась. От Лени не удалось утаить ложь, поэтому он стал еще более категоричным.

– Обещай, что ты не станешь гонять на мотоцикле, тем более по городу.

Мотоцикл – то, что больше всего связывало нас с отцом.

– Я не могу тебе этого обещать, – постаралась я возразить как можно мягче, – мне нравится кататься.

В конце концов, мотоцикл появился в моей жизни намного раньше, чем Леня.

– Что ж, ты взрослая девочка и сама можешь оценить все риски, – сказал Леня. – Вернемся к этому разговору позже.

В его голосе послышалось раздражение. В отличие от меня он не старался сглаживать углы, но больше эту тему не развивал. И я, признаюсь, выдохнула с облегчением. Хватит мне вечных запретов и непонимания мамы.

Что ж, позже так позже. Я знала, что не откажусь из-за парня от того, что всем сердцем люблю. Конечно, Леню можно понять – он за меня волнуется. Но в такой прекрасный день мне не хотелось ссориться.

Гуляли моим любимым маршрутом – от набережной Кутузова дошли до Адмиралтейства. На душе было хорошо и спокойно. Ленечка – настоящий душа: делал комплименты, смешил, обворожительно улыбался и смотрел влюбленными глазами. Редко когда мои «романы» длились дольше трех недель, а теперь почему-то казалось, что это надолго. Слова «навсегда» я боялась, но «надолго» меня вполне устраивало. Неприятных тем мы больше не касались. Если впереди у нас куча времени, зачем на самом старте отношений портить их? Но когда по проспекту с громким треском пролетел черный спортивный мотоцикл, я, не удержавшись, проводила его заинтересованным взглядом и заметила, что Леня за мной на-

блюдает. Думала, он снова что-то скажет по поводу быстрой езды, но на сей раз Ленечка промолчал.

Проголодавшись, мы зашли в мою любимую булочную. Взяли улитки с изюмом и чай в картонных стаканчиках. Свободные места нашлись в «летнике». Хорошо, что жара ближе к вечеру немного спала. Мы пили чай и болтали. Как обычно, говорил больше Ленечка, а я с удовольствием его слушала. Вечернее солнце ласково светило в глаза, отчего мне приходилось щуриться. Время от времени мы с Ленией переглядывались и улыбались друг другу. Мимо шли прохожие, которые не обращали на нас внимания. Нам до них тоже не было никакого дела. Леня наклонился ко мне и большим пальцем провел по щеке, едва коснувшись губ.

– Крошка, – тихо сказал он, не отводя от меня взгляда. Его магически зеленые глаза гипнотизировали. Мне показалось, что на мгновение я зависла над пропастью. Поначалу даже решила, что «крошка» – это обращение. Самое глупое, которое можно придумать на Земле, но я простила бы Ленечке и это. Когда поняла, что Леня имеет в виду крошку от булки на моей щеке, тихо засмеялась.

– Ты чего? – улыбнулся Ленечка, не сводя с меня нежного взгляда.

Я перестала смеяться и снова взглянула ему в глаза, а затем, ничуть не смущаясь, прямо спросила:

– Почему ты меня никогда не целуешь?

Леня заметно стушевался. Я даже не ожидала, что мо-

гу вогнать в краску взрослого и красивого парня. Однако смущение его длилось недолго. Ленечка наклонился ниже и поцеловал меня. Его губы были горячими и сухими. Почва ушла из-под ног, и я все-таки улетела в пропасть.

Глава третья

В поселок мы вернулись вместе на последней электричке. День с Ленечкой, как и всегда, прошел незаметно и очень счастливо. Электричка была практически пустой. За окном мелькал лес, на который лился вечерний свет. Темнело уже раньше обычного, еще немного – и сгустятся сумерки. В нашем вагоне ехала бабулина подруга Клара Ивановна. Та, что жила по соседству с Ленею и принесла моей бабушке «последние сплетни» о новом жильце. Женщина она колоритная – летом неизменно ходит в большой шляпе с широкими цветастыми полями. В такой шляпе сложно остаться незамеченной. Утром мы уже пересекались с Кларой Ивановной на перроне. Тогда женщина сообщила, что едет в город к внукам. И надо же было мне снова оказаться с ней. Я замечала, как Клара Ивановна время от времени недобро косилась на Ленею, и мне это не нравилось.

В электричке я периодически проваливалась в сон, положив голову на плечо Лени. Всякий раз, когда открывала глаза, не могла сообразить, где мы едем. Пейзажи за окном однообразные – сплошные придорожные сосны. Клара Ивановна, сидевшая перед нами на первой скамейке, тоже дремала. Ее шляпа забавно покачивалась в такт стуку колес.

Когда мы вышли на перрон, в поселке уже сгустились сумерки. Клара Ивановна с тяжелой сумкой наперевес послед-

ней выкатилась из вагона. Леня, оглянувшись, предложил ей донести вещи. Клара Ивановна просияла, и вся ее подозрительность по отношению к Лене мигом исчезла. Соседка тут же с готовностью протянула Лене свой баул. Меня ждало полное разочарование. Думала, Ленечка проводит меня до дома и мы снова будем целоваться, но вклинившаяся между нами Клара Ивановна испортила всю картину. Мы с Леной потащились ее провожать. Не бросишь же пожилую женщину с тяжелой сумкой на произвол судьбы.

Всю дорогу Клара Ивановна рассказывала, как за лето вымахали ее внуки. Старший, Давидка, перешел уже в седьмой класс, а младшая, Марго, занимается художественной гимнастикой и этим летом завоевала первое место на каком-то чемпионате. А еще Клара Ивановна сегодня была на закупках, потому что у нас в поселке беда с продовольственными магазинами. Цены задрали, все для местных богачей, поэтому она ездит на оптовую базу. Там большой выбор овощей, фруктов, бакалеи – все по низким ценам. И бла-бла-бла...

Мы с Леной периодически переглядывались поверх головы Клары Ивановны. Я театрально закатывала глаза, а Леня улыбался. В какой-то момент Клара Ивановна огорошила:

– Так я и для твоей бабушки набрала консервов. Она в прошлый раз просила. Сейчас зайду к вам, чайку попьем. Время еще не позднее.

Пришлось незаметно вздохнуть. Поцелуи на сегодня точно отменяются.

Леня проводил нас до дома, но от чая отказался. Мне казалось, что он немного побаивается мою бабушку, хоть с виду она божий одуванчик. И я точно не говорила Лене, что бабушка против наших отношений.

– В другой раз, – пообещал Ленечка.

Клара Ивановна ловко перехватила у него свою сумку, словно та была пушинкой, и поторопила меня:

– Не хочет, как хочет. Идем!

Как же ей не терпелось посплетничать с бабушкой. Из нас с Леной собеседники оказались неважные, потому что по пути к дому мы ни разу не восхитились ее внуками и низкими ценами на тушенку.

Зайдя в калитку, Клара Ивановна всучила мне свою сумку. Тонкие ляжки больно врезались в пальцы, и я чуть не крикнула от тяжести.

Теперь на нашем участке вкусно пахло свежескошенной травой. Все-таки не зря мы с отцом провозились здесь почти весь август. Давно я не видела наш сад таким ухоженным.

Уже совсем стемнело, в доме на кухне горел свет. Мне уже самой не терпелось добраться до крыльца и избавиться от сумки Клары Ивановны и от нее самой заодно. Внезапно соседка повернулась ко мне и заговорщически проговорила:

– Молодцы, что помирились.

– Помирились? – удивленно переспросила я. Мы вроде и не ссорились... Конечно, было недопонимание по поводу езды на мотоцикле. Но Кларе Ивановне откуда об этом знать.

– Утром увидела вас в электричке порознь, на разных лавках, так даже немного расстроилась. Знаю, бабушка против Леонида, а мне он очень нравится. Видно, что у парня серьезные намерения.

Я даже про тяжелый пакет позабыла. Кларе Ивановне нравится Леня?! Тогда к чему эти сплетни? А еще выходит, что утром я ехала в одной электричке не только с Кларой Ивановной, но и с Леней. Конечно, народу было много, но как я его не заметила? А он меня? Я боялась опоздать и по сторонам не смотрела, а как только состав тронулся, тут же заснула. Но почему Ленечка ко мне не подошел? Может, погрузился в мысли о предстоящих делах в городе и просто не заметил? В конце концов, я не ношу такую приметную шляпу, как Клара Ивановна.

Я замерла в задумчивости, но соседка меня поторопила:

– Машенька, чего же ты встала посреди дороги? Идем!

Я потащила тяжелую сумку с продуктами, думая, как мы с Леней могли разминуться.

Чаепития мне удалось избежать. Сославшись на усталость, я юркнула в свою комнату. За окном ярко сияла полная луна. Не включая свет, я легла на кровать и уставилась в потолок. Все-таки странно, что Леня не подошел ко мне в электричке. И он и я не заметили друг друга? Нереально. Теперь у меня создалось впечатление, что он за мной следил. Но зачем? Перебрав в голове варианты, я пришла к выводу, что Ленечка хотел меня порадовать и устроить сюрприз

с цветами. Что ж, это ему явно удалось.

А Йован так и не написал мне.

* * *

Утром я решила отремонтировать велосипед. Ленечка пока не звонил, а других планов, кроме встречи с ним, у меня не было. Нашла запылившиеся инструменты деда в сарае и расположилась рядом с забором под старыми яблонями, недалеко от калитки. Припекало солнце, и я скинула платье, оставшись в купальнике. Хорошо, что загар ко мне сразу пристает. За город удалось вырваться только в августе, но и за месяц я успела здорово загореть. Волосы тоже быстро выгорели. И это учитывая, что на пляж я ходила всего два раза. Леня не особо любил такой досуг, а в остальное время я помогала отцу и бабушке привести в порядок дом. Только благодаря прополке грядок и удалось загореть. В универе одноклассникам буду рассказывать, что отрывалась в Турции. Глядишь, поверят.

Бабушка вышла на крыльцо с чашкой чая и, углядев, чем я занимаюсь, покачала головой.

– Не женское это дело, – громко сказала она.

Я, открутив педали от велосипеда, весело откликнулась:

– Бабуленька, двадцать первый век! Сейчас уже немодно делить дела на мужские и женские.

– Глупости, – отрезала бабушка. – А рождает кто? Мужички.

ки? Не делит она на женские и мужские...

Я прихлопнула комара на лбу и промолчала. Вернулась к ремонту велосипеда. Бабушка из другого поколения, ее уже не переубедить, лучше не спорить и не портить друг другу настроение.

Я невольно вспомнила наш разговор с Леной. Он говорил практически те же самые слова. Эта беседа стала ложкой дегтя в нашей вчерашней прогулке. Но в остальном-то все было идеально! И улитки с изюмом, и первые поцелуи...

Услышав, как за забором припарковалась машина, я почему-то притихла. Бабушка, еще немного поворчав себе под нос, скрылась в доме. Хлопнула дверца, и послышался голос Йована. Я осторожно подползла к забору и посмотрела в щель. Йован зевнул и сладко потянулся. Я разглядела за рулем незнакомого молодого мужчину. На Гарбича-старшего точно не похож. Йован обошел машину, открыл заднюю дверцу и помог выбраться миниатюрной крашеной блондинке в симпатичном белом платье. Я наострила уши, но не разобрала, о чем они говорят. Только услышала звонкий смех девчонки.

Парочка исчезла из поля моего зрения. А мужчина за рулем завел машину и тронулся с места. Видимо, это личный водитель выскочки...

Когда иномарка проехала мимо и звук мотора растворился в воздухе, голоса зазвучали громче, но слов я разобрать не могла. Отыскала взглядом еще одну дырку в заборе, чтобы

лучше рассмотреть голубков. Отверстие располагалось выше моего роста, не дотянешься. У забора громоздился хлам, который мы приготовили на выброс. Я залезла на старое тухлявое кресло, а с него перебралась на ржавую перевернутую бочку. Посмотрела в дырку, будто в дверной глазок, и увидела Йована с девушкой – они бесстыдно целовались.

А у меня внезапно почва ушла из-под ног, вернее, ржавая бочка. Я не заметила, как встала на самый край, и бочка накренилась. Я полетела на землю и, пытаясь удержаться, схватилась за таз, который висел на гвозде, вбитом в забор. Таз за утро нагрелся на солнце и обжег мне руки. Взвизгнув, я откинула его, и он со звонким бряком ударился о бочку.

– Батюшки-светы! – завопила за моей спиной бабуля. – Господи, помилуй! Маша!

Лежа около ржавой бочки, я молилась всем богам, чтобы бабушка вела себя чуть тише, но она не унималась:

– Ты как сюда угодила? Зачем полезла? Хватило же ума взгромоздиться!

Каждую фразу бабуля выкрикивала все громче и громче. Я пробурчала что-то невразумительное. За забором было тихо-тихо. А у меня в голове эхом повторялся звук удара таза о бочку. Но, конечно, Йован и его девчонка все слышали. Я устало закрыла глаза в надежде, что открою их – и все исчезнет. И сломанный велосипед, и таз, и бочка, и чертов Гарбич со своей девчонкой... Так стыдно мне давно не было.

В обед погода испортилась. Подул свежий ветер, и щеголять по участку в купальнике стало зябко. Я бросила инструменты в ящик и отправилась в дом. Бабушка заварила чай и наделала бутербродов. Сидя за столом, я смотрела в окно на соседний дом. Из-за высокого забора виднелись красивая крыша и раскачивающиеся верхушки деревьев. Интересно, чем сейчас занят Йован? Как проводит время со своей драгоценной кралей?

– Окосеешь! – сказала мне бабушка, наблюдая, как я поглядываю в окно на дачу Гарбичей. – Будет один глаз на Кавказ, другой – в Арзамас.

– Бабушка, а кто наши соседи? – спросила я. – И что за фамилия у них такая? Ты несколько раз говорила, забыла, – прикинулась я дуручкой.

– Гарбич? Так они сербы. Хозяин дачи – бизнесмен из Белграда, он еще в девяностые переехал, до войны, при Милошевиче, в кризис. У нас, конечно, тоже несладко тогда было, но ведь поднялся человек. Дачу какую отгрохал.

– Да уж, молодец. А дети у них есть? – я постаралась придать голосу равнодушие, будто между делом спросила.

– Конечно! Поздний ребенок – Ванечка. Как долго они свое чудо ждали... Ты разве его не помнишь?

Я про себя только посмеялась: *чудо Ванечка*, как бабушка

его назвала.

– Не-а, не помню.

– Чуть тебя помладше. В детстве часто на даче летом отдыхал, а потом, видимо, как и тебя, не затащить. А в этом месяце, гляжу, снова зачистил... Вот и пойми, с чего вдруг.

Бабушка с озадаченным видом тоже выглянула в окно, словно ожидая увидеть сидящего на нашем заборе Йована.

Я сама не могла взять в толк, почему меня волнует Гарбич и какое мне дело до его семьи.

Ветер гнал над соседским участком рваные белые облака. А я обратила внимание на наш забор, где выцветшей краской было написано мое имя. Это папа написал, когда я была совсем маленькой. В детстве я ненавидела приезжать сюда. Мне казалось, что скучнее ничего не придумаешь, несмотря на то что при жизни дедушки участок был в порядке. Дед даже песочницу и качели мне соорудил... И вот теперь нам придется прощаться с этим домом. Только этим летом, буквально за две недели я прочувствовала всю прелесть дачной жизни. Озеро, сосны, солнце... Представляю, как не по себе бабушке покидать этот дом. Сколько счастливых лет она провела здесь.

– Бабуля, тебе жалко уезжать отсюда? – спросила я.

Бабушка удивленно посмотрела на меня.

– Ну а ты как думаешь, Машуня? Здесь же ребенок мой вырос. И ты таким кукленком приезжала сюда, помнишь?

Я улыбнулась.

– У меня даже одна поделка твоя осталась. Для принца.

– Для какого принца? – искренне удивилась я.

– Ты из проволоки смастерила и стекляшек наклеила на подобие бриллиантов. Сказала, что когда встретишь принца, то подаришь ему это кольцо. «Баба, я надену ему на палец колечко и женюсь на нем», – бабушка, процитировав меня, негромко рассмеялась. – Так и сказала: женюсь.

– Почему ты его не выкинула?

Я привыкла, что мама безжалостно выбрасывала все мои поделки, открытки, записки, не считая их особо ценными.

– Как же я выкину, если ты не разрешала? – всплеснула руками бабушка. – А вот сейчас тебе его отдам, и ты принцу своему подаришь.

Бабушкин голос зазвучал сварливо, как будто она вспомнила Леню.

Бабуля достала со шкафа старую кожаную дамскую сумку, в которой хранила все документы. Долго копошилась в ней и наконец протянула мне то самое колечко, о котором я совсем забыла. Я осторожно взяла в руки кольцо, будто оно на самом деле было настоящим сокровищем. Зеленые стеклышки сильно помутнели...

– Теперь можешь подарить это кольцо кому считаешь нужным, – сказала бабушка.

– А если я его еще не встретила?

– Обязательно встретишь. Какие твои годы, – выдохнула с облегчением бабушка.

Я не могла взять в толк, почему бабушка так категорично настроена против Лени. Колечко я позже убрала в сумку, чтобы увезти в город и положить в ящик стола. Сама не знаю почему, но дарить его Лене пока не хотелось.

* * *

Волны с белыми гребнями одна за другой наперегонки набегали на берег. Над озером зависло раскаленное солнце. По прогнозу эта неделя должна была стать последней жаркой. Я с самого утра ушла на пляж и с нетерпением ждала Славу и Лику, которые обещали приехать к обеду. Даже Леня собирался прийти на пляж и познакомиться с моими друзьями. Конечно, слишком долго мне пришлось уговаривать его, но ради меня он все-таки согласился. Я сильно волновалась: так хотелось, чтобы мой парень и мои лучшие друзья нашли общий язык.

Я провела на пляже уже больше двух часов. Солнце нагрело спину и плечи. Я сидела на ярком розовом полотенце, которое привлекало слишком много внимания. Отличный опознавательный признак, между прочим. Но никто ко мне на встречу не торопился. Ребята опаздывали уже почти на час. Леня тоже не спешил, и я страшно злилась на всех. Может, Лика и Слава заблудились и не нашли пляж? Но к нему ведет только одна дорога.

Я уже успела пару раз искупаться и обсохнуть, а они еще

не появились. Трубку ни Лика, ни Слава не брали. Когда я забеспокоилась и решила вернуться домой, из-за сосен наконец показались друзья. Уставшие и понурые, они шли на приличном расстоянии друг от друга. Судя по их рассерженным физиономиям, успели крупно поругаться. Никакого намека на обычный флирт. Я тут же вскочила на ноги и понеслась к ним.

– Вы где были? – выкрикнула я возмущенно. И только подбежав ближе, увидела, что у Славы перепачкано лицо.

– Машина сломалась, – проворчала Лика, поправляя соломенную шляпку, – прямо посреди дороги.

– Мы ее в ремонт отогнали, – добавил Слава, – пришлось ждать эвакуатор.

– После того как он полчаса делал вид, что разбирается в тачках.

– Я разбираюсь, – насупился Славка, – просто случай критический.

– Так и скажи, что перед девчонкой решил повыпендриваться.

– Больно ты нужна, выпендриваться перед тобой.

– Пришлось ехать на электричке.

– Из-за дачников не протолкнуться.

– Я так взмокла!

– Она ныла всю дорогу...

– Пить хочу... У тебя есть питьевая вода?

Этот вопрос уже был обращен ко мне.

– Есть! И еще с собой пирожки с яйцом и луком, – сказала я. – Бабушка напекла для всех.

– Отлично! – Лика впервые улыбнулась. Затем уставилась куда-то мне за спину, и я сразу поняла, кого она выглядывает.

– Он еще не пришел, – поспешно сообщила я. – Скоро должен подойти.

Я не знала, придет ли Леня вообще, и меня это выбивало из колеи. Неужели так сложно выполнить обещание и прийти как договаривались?

Наверное, вид у меня был расстроенный, потому как Лика состроила жалостливое лицо, а Слава растерянно почесал нос, еще больше размазав по лицу грязь. Я удивилась, почему Лика не сказала ему, что он испачкался. Наверное, в отместку за их дорожное злоключение.

– Ладно, мать, не кисни, – сказал мне Слава. – Нарисуетя еще твой красавчик. Лика мне все уши про него прожужжала в дороге.

Мы с Ликой быстро переглянулись. А Слава вдруг раскинул руки в стороны:

– Может, обнимешь дорогого товарища? Все лето не виделась.

Я крепко обняла друга, а потом задрала голову и посмотрела в его смеющиеся серые глаза.

– А теперь умойся пойдя, чумазик.

Славка хлопал глазами.

– Так и знал! А ты чего все время молчала? – обратился он к Лике.

Подруга пожала плечами.

– Сам сказал, чтобы я помалкивала, достала тебя в пути.

– Это точно.

Слава быстро стянул через голову футболку, сбросил шорты и, оставшись в плавках, кинулся к воде. Лика тоже принялась поспешно скидывать сарафан.

– Такая жара, кошмар! – бухтела она.

Но я-то знала, что, несмотря на ссоры, Лике хотелось быть рядом со Славой. Она убежала к сияющему на солнце озеру. Вскоре послышались счастливые визги подруги.

Улыбаясь сама себе, я вернулась на свое место. Уселась на полотенце и достала из хлопковой сумки яблоко. Хрустела им и, щурясь от лучей, поглядывала на озеро. Вдруг кто-то коснулся моего нагретого плеча, а затем шепнул в ухо:

– Соскучилась?

Глава четвертая

От шепота по телу пробежали мурашки. Я быстро обернулась и встретилась с зелеными глазами Леночки. Он все-таки пришел. Смотрел на меня одновременно насмешливо и настороженно, будто ожидал подвоха. Я снова откусила яблоко и безмятежно устала на воду.

– Ты опоздал на час, – наконец сказала я, прожевав яблоко.

Леня уселся рядом со мной на розовое полотенце. Он не спешил раздеваться и среди раздетых отдыхающих смотрелся немного странно. Я знала, что он не любил посещать общественный пляж. Леня вообще старался избегать шумных компаний и большого скопления людей. Я не могла его в этом винить, но, раз уж он пообещал, что встретится с моими друзьями, почему бы не сдержать свое обещание. Я сидела на пляже в одиночестве, ощущая себя полной дурой.

– С кем это ты обнималась? – спросил Леня, не поворачиваясь ко мне. Точно так же, как и я, демонстративно устался на горизонт. Мне казалось, что он взглядом пытался отыскать в воде Славу, только друг как раз в это время куда-то подевался. Лику я тоже не могла найти. – Я издалека увидел.

– Это Слава – мой одноклассник, – ответила я, с любопытством покосившись на него. Неужто ревнует?

– И всегда вы вот так обнимаетесь?

– Как – вот так? Обычное приветствие. Мы дружим с первого курса. Ты не веришь в дружбу между мужчиной и женщиной?

– Не верю, – отрезал Леня.

– Напрасно, – сказала я, держа в руках недоеденное яблоко – есть его резко расхотелось. – Но можешь не волноваться – он не в моем вкусе. К тому же влюблен в Лику.

Я не была уверена насчет Лики, но все-таки решила немного успокоить Леню.

– И я по-прежнему жду извинений, – добавила я.

Леня посмотрел на меня и слабо улыбнулся.

– С мамой были проблемы.

– С ней все в порядке? – забеспокоилась я.

Леня ни разу не рассказывал о своей маме, впрочем, как и я. Это последняя тема, на которую мне хотелось бы говорить.

– Да. Срочно нужно было помочь. – Леня заметно помрачнел, и я решила оставить этот разговор, мысленно простив его за опоздание на час. В конце концов, с кем не бывает, хотя все-таки мог бы и предупредить.

Вскоре нам стало не до разговоров – показались Лика и Слава. Я не заметила, как они вышли из воды. Чем занимались? Где были? Лика выглядела счастливой и смущенной, будто это не они полчаса назад пришли на пляж расстроенными и рассерженными.

Леня и Слава пожали друг другу руки, а затем Славка бла-

женно растянулся на песке, вытянув длинные ноги. Капельки воды блестели на его загорелом торсе. Белокожая Лика закуталась в полотенце с яркими красными маками и уселась рядом со Славой.

Наконец и Леня снял с себя одежду. Через голову стянул черную футболку, оставшись в одних шортах. С таким телом нужно, наоборот, щеголять по пляжу, а не прятать его. Я почему-то смутилась и отвела взгляд. А вот Лика без стеснения уставилась на моего парня.

– Леня, что означает твоя татуировка? – спросила она.

Тогда я тоже обратила внимание на тату Лени. Под ребрами на кириллице витиеватым шрифтом было написано «Генный и безумство».

Леня ответил не сразу, решил поддержать интригу. Наконец сказал:

– Маяковский в своей поэме «Человек» писал: «Да здравствует снова мое безумие». Помните?

Лика, разумеется, не помнила, да никто из нас не помнил. Славка приоткрыл глаза и, прищурившись, с удивлением посмотрел на Леню.

– А что означает ваша прическа? – ничуть не смущаясь, спросил Леня у Лики. Он так и обращался к ней на «вы», и это явно смущало мою подругу.

– Люблю экспериментировать со стилем, – тут же нашлась Лика и спросила кокетливо: – А что, мне не идет?

– Очень идет, – ответил Леня. – Но все же считаю, что у

девушки должны быть длинные волосы, вот как у Маши.

Я осторожно взглянула на Лику – подруга насупилась.

– Каких только причесок у Лики не было, – подключилась я к беседе, дабы разрядить обстановку. – В школе носила толстую косу до пояса, а весь прошлый год – черное каре.

– Черный очень сложно выводить, – пожаловалась Лика. Ее явно задело замечание Лени, но подруга решила не вступать в спор.

– Но тебе шло! – искренне сказала я.

– Я косплеила Уму Турман из «Криминального чтива».

– А я думал, что Северуса Снегга, – подал голос Слава. Он лежал на песке чуть поодаль от нас, с блаженством прикрыв глаза.

– Иди ты! – Лика обиженно дернула ногой, и в Славку полетел песок.

Слава расхохотался. Ему нравилось доводить Лику. Подруга тоже рассмеялась. Один Леня не веселился. Он казался каким-то напряженным – явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Мы, загорая и поедая пирожки, болтали обо всем и ни о чем, но Леня не принимал участия в нашей беседе. Только изредка сдержанно отвечал на вопросы, когда Лика всячески пыталась раскрутить его на разговор. Даже о своей будущей книге говорил мало, что тоже удивило меня, ведь за время нашего знакомства он мне все уши прожужжал... И рассказывал так интересно, что я тут же влюбилась

по уши заочно в его творчество. Сейчас же отвечал односложно и явно мыслями находился не с нами. Я озадаченно поглядывала на Леню время от времени. С моими друзьями он был совсем другим, явно не старался произвести впечатление в новой компании. Может, действительно в семье большие неприятности? Леню будто что-то съедало изнутри.

В конце концов Лика отстала от Ленечки и принялась обсуждать со Славой предстоящий учебный год. Иногда я подключалась к их беседе, но была загружена другими мыслями, уж очень беспокоилась за Леню. Солнце все так же сильно жарило, и у меня горели плечи. Я даже немного жалела, что позвала друзей сюда и решила познакомить их с Леней.

Когда Славе позвонили из автосервиса, я незаметно выдохнула с облегчением. Ребята засобирались в город.

Напоследок Лика позвала меня к воде под предлогом ополоснуть ноги от песка. Пока я держала в руках ее босоножки на высокой танкетке, подруга стояла по щиколотку в воде и поглядывала в ту сторону, где остались парни. Конечно, она хотела поболтать, но у меня для разговоров было неподходящее настроение. Я догадывалась, что Лика скажет.

– Он очень странный чувак, – сообщила подруга. – И не особо тактичный.

– Леня сегодня сам не свой.

– Он меня пугает.

– Прекрати!

– Ты видела его татуировку?

– Видела. Очень красивая.

– Ну... а он сам...

– Сам тоже хорош собой.

Я проследила за взглядом Лики. Слава и Леня, не меняя поз, так и сидели на песке. Общей темы для разговора у них явно не нашлось.

– Это да, – вздохнула Лика, – хорош. Он такой секси, похож на Джана Ямана, только бороды не хватает, поэтому забьем на все его странности. И вообще, я тебя понимаю: есть в нем что-то притягательно-опасное.

Опасности в Лене я не чувствовала, а вот притяжение – очень даже, тем более так странно он вел себя впервые. До этого между нами все было отлично.

– Не драматизируй, – только и сказала я.

Лика весело щебетала всю дорогу от пляжа. Слава над ней привычно подтрунивал, а подруга забавно возмущалась. В какой-то момент мы с ней приотстали, и я, притянув Лику к себе, спросила на ухо:

– Вы целовались?

Лика только счастливо рассмеялась.

Когда мы проводили моих друзей до станции, Леня сказал:

– У тебя отличная подруга.

– Я знаю, – улыбнулась я. И все-таки осторожно спросила: – А друг?

– Мне он не нравится, – честно ответил Леня.

– Но ты с ним даже не общался толком!

– Руки распускает и над девушками насмехается. Разве это по-мужски?

– Он по-дружески, – проямлила я, окончательно поняв, что моих друзей Леня не примет. Слишком разные. – По приколу.

– Я не понимаю таких приколов. И если он будет так с тобой шутить... – начал Леня. Но, взглянув на мое расстроенное лицо, все-таки смягчился. – Но я ведь не запрещаю тебе с ним общаться. Дружи на здоровье. Просто мне с такими шутами гороховыми не по пути...

Смеркалось. Мы стояли с Ленией у забора и целовались. В это время я думала о том, что лето заканчивается, бабушка продаст дом, Леня допишет свой роман и уедет в город... Будем ли мы вместе? Загадывать не хотелось.

Мы целовались, и я старалась отогнать грустные мысли. По дороге от станции я не могла выкинуть из головы слова Лики о том, что Леня ее пугает. Когда мы шли к дому, то в сгустившихся сумерках мне тоже казалось, что в его зеленых глазах полыхало что-то ранее незнакомое. В душе шевельнулась тревога. Я искала в каждой его фразе подвох, но ничего не находила. Леня после отъезда моих друзей снова стал мягким и увлеченным.

В этот вечер он целовал меня непривычно жадно и нетерпеливо. В один миг мне стало не хватать воздуха. И я даже не сразу услышала, как мимо нас кто-то прошел. В другой раз

я жутко смутилась бы, но, приоткрыв глаза и обнаружив рядом Йована Гарбича, сама углубила поцелуй, что очень понравилось Лене. И все-таки мне зачем-то необходимо было видеть реакцию Йована, поэтому я, чуть отвернувшись, посмотрела в сторону Гарбича. Тот шел к своему дому, внезапно оборачиваясь и с интересом наблюдая за нами. Наконец дошел до ворот, показал мне большой палец и скрылся из виду. Леня, услышав шум закрывающихся соседских ворот, будто бы очнулся. Я первой отстранилась от него. Спектакль окончен. Целоваться почему-то расхотелось.

– Я завтра снова уезжаю к маме, – с сожалением в голосе произнес Леня, – не увидимся.

– Как обидно, – ответила я, впрочем, почему-то думая о другом. Перед глазами стоял улыбающийся Йован.

– А ты чем займешься?

– Придумаю, – ответила я.

Мы еще раз поцеловались напоследок, но как-то скомканно, и я нырнула за калитку. Сердце до сих пор бухало в груди, и вечернее звездное небо кружилось над головой.

В доме было тихо – бабушка уже спала. Скрипя половицами, я прошла мимо ее темной комнаты. Уснуть не получалось. Я ворочалась, прокручивая в голове сегодняшние события, когда на тумбочке завибрировал телефон. Йован Гарбич прислал свое первое сообщение:

«Не хочешь завтра прогуляться?»

Прочитав послание, я тихо рассмеялась. Ну и самомнение у этого парня! И с чего он вдруг решил позвать меня на прогулку, ведь до этого ни разу не написал. Зовет гулять после того, как увидел с другим парнем? Я еще немного повертелась с боку на бок, а затем, решив ничего не отвечать, отключила телефон.

Включила его лишь наутро, за завтраком. И тут же получила несколько непрочитанных сообщений от Лени. Как только телефон стал доступен для связи, раздался звонок.

– Что за фигня? – сердито спросил Леня на мое веселое «Алло?».

Слово «фигня» из его «интеллигентных уст» прозвучало неожиданно. Я даже немного опешила.

– И тебе доброе утро, – откашлявшись, поприветствовала я.

Бабушка, сидевшая рядом за столом, с интересом посмотрела на меня.

– Что у тебя с телефоном? – жестко спросил Леня. Фоном слышался шум машин.

– Ночью разрядился, только сейчас поставила на зарядку, – зевнув, ответила я.

– Ты только что проснулась?

– Ну да, у меня же каникулы, – немного растерянно ото-

звалась я. Какая муха его укусила с самого утра? Видимо, общество мамы негативно сказывается не только на мне. – Дай отоспаться в последние деньки.

Леня тихо выругался. Крепкие слова предназначались явно не мне, но все равно это немного покорило.

– С тобой все в порядке? – осторожно спросила я.

Бабушка уже откровенно прислушивалась к нашему разговору.

– Я волновался за тебя, – чуть мягче ответил Леня.

– Что со мной может случиться? – засмеялась я.

– Мало ли. Будь всегда со мной на связи. Поняла меня?

– Пожалуйста, – поправила я. Мне не нравился этот разговор.

– Что «пожалуйста»? – не понял Леня.

– Обычно так говорят в конце просьбы.

В трубке послышался женский голос, и Леня поспешно проговорил:

– Ладно, Маша, чуть позже позвоню, будь добра, следи, чтобы телефон больше не разряжался.

Как только он произнес эту фразу, мне тут же захотелось сделать наоборот и снова вырубить телефон. Но ссориться в самом начале отношений из-за этого показалось глупостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.